

*

И ныне в Кемерово осень...
Иные там уже, а мы
у осени отсрочку просим —
повременить с осадком до зимы...

Пусть всё уляжется отрадно
на дно смиренной тишины,
и нить протянет Ариадна,
как паутину, с вышины.

А там, и прежние вершины
прильнут к стопам твоим — верши
суд праведный неумолимо,
лишь хлеба птицам накроши.

*

Птицы кричат, и, конечно, стремятся на юг.
В этом отчаянном крике и в этом смятенье
слышится мне неожиданный детский испуг,
чудится: что-то случилось и ждёт продолженья...

Что-то такое, чего нам нельзя миновать,
кто-то из тех, кто у нас разрешенья не спросит...
К стенке лицом заскрипит пожилая кровать,
это вселилась к нам в комнату поздняя осень.

Вот ведь неловкость — по полу архива листки...
И потаённое выдаст расплывшийся почерк —
мы не успели ни слёз утереть, ни виски...
Пульса морзянка рассыпалась горстью отточий...

*

Что-то давненько я писем твоих не читал...
Впрочем, ведь ты мне, конечно же, их не писала...
Ты бы, хотя бы, мне точек с пол кило прислала,
я бы их сам по сусекам своим распихал.

Точно сгодились бы! Вышло б хорошее слово!
Было б не стыдно за тесто на этих дрожжах.
Стол бы накрыл для тебя в профсоюзной столовой,
имя глазурью бы вывел на сладких коржах...

Вряд ли на это поймашься и поведёшься.
Маюсь один, подметая постылый амбар.
Всё ещё жду, но тебя ведь, пожалуй, дождёшься!
Раньше случится затмение, иль хватит удар.

*

Корни русалок покоятся в бозе.
Щупальца дуба наткнулись на рыбий плавник...
Будь осторожней, по дну плоскодонки елозя,
море отступит и вытянет сети старик...

Даже в локальной окажется тина морская,
витязей сорок, и каждый опора и щит!
У Черномора кубанка и бурка, и знаю —
цепью золотой он, как будто своей, дорожит...

Пусть я здесь неуч, но ведь научили котяру
сказки рассказывать, песни забавные петь...
Чем же я хуже?! Дай мне скороходную пару
и подсажи, что тут справа и слева иметь.



Графика Марины Коломеец